

Предупреждение: Во второй половине имеются откровенные сцены, пожалуйста, учитывайте это, если вам не по душе.

Из окна дул лёгкий приятный ветерок. Казалось, буря, произошедшая позавчера, была просто выдумкой, повсюду виднелось чистое голубое небо.

Обернувшись на тихое сопение, я увидел, что хозяин комнаты, который должен был читать книгу на диване, дремал, обложенный подушками. Мягкие серебристые волосы легко колыхались от ветра. Так же, как воротник и подол рубашки из легкой ткани.

Я перестал разбирать бумаги вместо отдохавшего лорда и, отойдя от письменного стола, тихо подошёл к дивану. Аккуратно вытащив почти выпавшую из его руки книгу в мягкой обложке, положил её на столик сбоку. Я поднял плед, соскальзывающий с колен парня, и накрыл им парня до плеч. Ещё я уже почти протянул руку за своим пальто, брошенным на спинку дивана, чтобы укрыть спящего ещё и им, но сегодня было достаточно тепло, и я решил, что в этом нет необходимости, и остановился. Сегодня было необычно тепло для начала лета. Даже в одной рубашке становилось немного жарко.

Глянув на его лицо, я подумал, что спал он весьма хорошо. Опустив брови и слегка приоткрыв рот, с совершенно расслабленным выражением лица. Не проснулся, даже когда я тихонько присел сбоку и сидение дивана немного прогнулось. Видимо, очень крепко спал. В тот момент, как я пальцами убрал с глаз серебристую челку, он сладко вздохнул.

В раскрытом вороте белой рубашки на бледной коже груди виднелись несколько алых отметин. И на шее тоже... Метки, которые я вчера оставил. Прошлой ночью... Я касался и касался его, но этого было недостаточно. Я не успокоился, пока не поймал его, пока не поставил эти метки. Я попросил его ласкать меня, пока не буду удовлетворен, и он с залившимся краской, но полным решительности лицом согласился. За полночь, пока он не потерял сознание... это продолжалось.

Но... мне всё ещё было недостаточно. В следующий раз, когда ты проснёшься, ты закончишь начатое ночью? Было сильное предчувствие, что ты разозлишься и с красным лицом заявишь, что с меня хватит, но ты сам согласился.

Я провел тыльной стороной ладони по его щеке. От нежной кожи передавалось лёгкое тепло. От облегчения захотелось плакать. Думаю, это и в самом деле замечательно, что мне удалось вернуть его назад. Я не хотел молиться Богине, поэтому лучше помолюсь чему-то другому «хорошему», если оно существует.

Если бы хоть на день... нет, даже на несколько часов опоздал... Честно говоря, я бы скорее всего не мог прикасаться к тебе сейчас.

Когда я сейчас думаю об этом, похоже, тот день был крайним сроком, в который я мог вернуть Лиана. Потому что... в тот момент перед филиалом Церкви стояла невероятно роскошная карета. Я, в тот день... на самом деле, еле-еле успел. Поглаживая мягкие серебряные волосы и вспоминая тот день... я тихонько вздохнул, чтобы не разбудить его.

Всё началось... когда работы по прореживанию и опылению яблонь наконец-то были закончены и я вернулся домой с огромным количеством яблочного сидра, полученного в благодарность от господина Года. Когда я зашёл в дом, госпожа Чедд бросилась к нам с заплаканным лицом... и сказала, что Лиан, похоже, заболел бушевавшей сейчас болезнью. Это было так внезапно, я не мог уловить смысл. Когда я услышал об этом, то не сразу понял, о чём шла речь.

Но а как иначе? Я ни словечка не слышал о болезни, которая бы распространялась сейчас среди людей, учитывая, что зимние холода были уже позади и становилось всё теплее и теплее. Доктор-медведь тоже зевал и говорил, что в это время пациентов меньше всего, поэтому он может как следует отдохнуть. И всё же... Хотя я был рядом с ним... Я винил себя, почему не заметил его нездоровья... и отчаянно пытался вспомнить состояние Лиана, когда видел его в последний раз, были ли признаки болезни, которые я упустил.

Но... сколько бы я ни вспоминал... в голову не приходило ничего, что можно было бы связать с болезнью. Настолько Лиан был в полном порядке, когда мы виделись в последний раз. Ничто не предвещало заболевания. За день до моего отъезда, после полудня Лиан приехал на ферму со сладостями. Я хорошо это помню, потому что был вместе с ним. Госпожа заварила чай и мы выпили его с угощениями, потом Лиан... поддался на уговоры малышни и играл с ними в игру, похожую на догонялки, в неё они часто играли в церкви. Он бегал по лугу, гоняясь за детьми. И выглядел очень счастливым.

Лиан в тот момент был действительно в порядке — у него не было ни температуры, ни кашля. Он не выглядел больным, и цвет лица... был не хуже, чем обычно. И не было похоже, чтобы он притворялся. И, если он был болен, он скрывал своё состояние и так напрягался?

Но даже так, Лиан в моих воспоминаниях был слишком бодр и весел. Аппетит у него был такой, что за ужином попросил добавки. Так что трудно было поверить в рассказ о такой внезапно обострившейся болезни. У стоявшего рядом и слушавшего историю вместе со мной господина Чедда было точно такое же выражение неверия на лице. Пока мы находились в немаленьком смятении от шока и неверия, супруга господина Чедда, женщина с каменным сердцем, которая очень редко плакала, заливалась слезами. «Господину Лиану стало плохо по дороге в столицу, куда он поехал за покупками, повезло, что его взял на лечение филиал церкви Фортуны, но он в таком состоянии, что с ним даже встретиться не разрешают и ему необходимо постоянное медицинское наблюдение...» — сквозь слезы рассказала она.

«Филиал церкви Фортуны»... в тот момент, когда я услышал эти слова, сердце почуяло что-то неладное. Действительно, по дороге в столицу располагался филиал Церкви. Да, располагался, но... филиал... находился на горном склоне, вдали от дороги, ведущей в столицу. Вместо того, чтобы ехать туда... намного ближе и быстрее было бы доехать до соседнего города по ровной дороге. Я уверен в этом, ведь я доставлял товары в оба места. Кроме того, в городе был настоящий доктор. Я не понимал, зачем нарочно ехать в филиал Церкви с плохо чувствующим себя Лианом, учитывая, что он находился дальше и врача там не было. Техника

«исцеляющего света», которую применяли высокопоставленные монахи, не способна исцелить всё. Она может излечить травму, но не способна вылечить болезнь.

И ещё... поездка в столицу за покупками... он ничего мне об этом не говорил. Когда я спросил, что он будет делать, пока я в отъезде, он ответил, что никаких особых планов у него не было. И я не слышал, что ему требовалось что-то, для чего придётся лично отправиться в столицу.

Почему? Почему не сказал мне о такой дальней поездке... Ах! И тут я... наконец осознал. Что я был... «обманут» им. Действительно, в тот раз я сказал Лиану, что он может врать.

Да, сказал... Но это был разговор о необходимой «лжи»... Без которой не обойтись. Он должен был всё обдумать, решить, что это необходимо, и вынужденно солгать.

...ради чего?

Когда я задумался о причине обмана... в голове сразу стали роиться плохие предчувствия и неприятные догадки. Сердце учащенно забилося, и я никак не мог успокоиться. Непонятные тревоги настолько переполнили меня, что я не мог удержаться на месте... оставив госпожу посреди рассказа, я побежал в свою комнату, схватил плащ телохранителя, о котором он говорил, что тот может частично заменить щит, а также привычный меч с длинным клинком. На бегу сказав паре Чедд, что собираюсь встретиться с Лианом, я вылетел из дома прежде, чем успел что-либо обдумать.

Во всяком случае, я считал, что должен как можно скорее убедиться. Было слишком много фактов, которые не имели смысла. Слишком много непонятного. Сколько бы я ни вспоминал, в голову не приходило ничего, что мог бы связать с болезнью. Ни симптомов, ни странного поведения, ничего. Как ни крути, слишком внезапно всё случилось. Сколько бы я ни размышлял, эта история была чрезвычайно далека от того, что я помнил, и я не мог найти никаких точек соприкосновения.

Единственное, что я понимал, — мне «солгали»... но я не знал ни причин, ни цели. К тому же... О том, что он заболел... опять же рассказали церковники. И то, что они запретили его навещать... означало, что никто Лиана не видел. А это... значило, что никто не мог подтвердить слова церковников. Это просто слова, которые кто-то от кого-то услышал и передал дальше. Никто не подтвердил их «истинность».

Если Лиан находился в филиале церкви... я предположил, что в таком случае Мари была наиболее осведомленным человеком из всех моих знакомых, и помчался в церковь, изо всех сил погоняя коня.

Добравшись до церкви, я поймал Мари и Эфу, которые совершали дневную службу. Я расспросил их о подлинности данной истории. Но и от них обеих я услышал ту же версию, что и от госпожи Чедд. По их словам, они отправились в филиал, чтобы встретиться с Лианом, сразу, как услышали об этом... но им тоже отказали и отправили обратно. Как и госпожу.

Более того, друзьям Лиана тоже отказали. Даже главному дворецкому Оуэнов и самому семейству больного не позволили с ним встретиться, о чём они поведали мне с омраченными лицами.

Пока я глядел на проливающую слёзы Эфу, которая спрашивала, неужели господин Лиан был настолько тяжело болен... плохое предчувствие только крепчало. И тогда я уточнил ещё одну интересовавшую меня вещь. Связанную с моими тревогами. Шутцер, который должен был оставаться в церкви, исчез... По словам Мари, он отправился с Лианом в качестве телохранителя.

Когда Лиан куда-нибудь выезжал, с ним всегда отправлялись несколько охранников. Элита, назначенная старшим дворецким. Так что Шутцеру не было никакой необходимости ехать с ним. Кроме того, он церковный рыцарь, которого отправили, чтобы помогать Мари. Для рыцаря-послушника тем более... неправильно отказываться от своей первоначальной миссии, поставив в приоритет дела Лиана, как ни крути. Такое попросту недопустимо и, самое главное, невозможно.

Они... Церковные рыцари, насколько я слышал, более преданы своей миссии, чем простые рыцари, поскольку служат богу. Так как они присягали богам, то совершенно не могли отказаться от возложенной на них миссии. Что означало, что из-за своей слепой веры они могли отказаться выполнять приказ лишь тогда... когда им давали другую задачу, более приоритетную.

Мари, пока я разговаривал с Эфой... не проронила ни слова. Она держала руки перед животом и молчала, опустив глаза. В такой позе, казалось... она то ли молилась, то ли раскаивалась то ли была очень встревожена. Тень тревоги на лице была необычна для Мари, которая всегда смотрела вперёд, не переставая улыбаться. Даже яблочного цвета щеки побледнели.

Я предположил, что ей было известно что-то ещё, и попробовал расспросить об этом. У Мари на лице на секунду отразилась боль, а потом она молча покачала головой. Она подняла взгляд на меня, словно уже приняла некое решение.

— Господин Лиан упоминал, что собирался встретиться с кем-то, кто обещал ему помочь, — сказала она.

Её слова... полностью отличались от ранее слышанной истории. Ничего не понимаю. Что из этого являлось правдой? На вопрос «Разве Лиан отправился в столицу не за покупками?» она почему-то прищурилась, будто в затруднении, и покачала головой.

— Так он мне сказал, вот и всё... Что есть «правда», а что «ложь»... ни я... нет, уверена, никто... кроме господина Лиана не знает... — сказала она.

Значит, если не знала ни Мари, ни кто-либо другой...

...нужно поехать к нему самому и спросить. А если не позволят увидаться с ним... просто любыми способами встретиться с ним. Когда я сообщил, что поеду к нему, Мари с тревогой посмотрела на свирепствующий ветер за окном, а потом перевела взгляд на меня. В какой-то момент она как будто сдалась и вздохнула.

— В твоём случае, даже если мы попытаемся тебя удержать... ты всё равно уедешь, верно? Но... Раз ты собрался ехать, то будь осторожен. Что бы ни случилось, держи себя в руках и сохраняй спокойствие. Внимательно слушай, что тебе говорят, и как следует обдумывай. У всего есть свои «причины» и «мотивы», а также «чувства»... разных людей... и Богини... которые должны были привести к таким последствиям. Ты очень умный ребёнок. Тщательно обдумай всё это и своими ушами и глазами проверь... что «правда», а что «ложь», — напутствовала она меня.

Когда я ответил, что так и собирался поступить, она с обеспокоенным лицом снова и снова просила меня быть осторожнее и не делать глупостей, поэтому я кивнул и вышел из церкви.

Погода была ужасная. На обратном пути из яблоневого сада лошади господина Чедда так дрожали из-за сильного дождя, что то и дело останавливались, а когда я покинул церковь, ливень припустил ещё сильнее. Хоть сейчас и был день, вокруг было темно. Казалось, что это продолжение вчерашней ночи. Чёрные тучи настолько плотно покрывали небо, что через них не пробивался ни единый солнечный лучик. Шедший со вчерашнего дня дождь не только не ослабевал, но становился только безжалостнее. Ветер тоже усилился. И правда ужасная погода.

Изредка между туч мелькал яркий свет и следом раздавался рокочущий гром. Большинство лошадей не любили гром, но конь, которого мне дал господин Чедд... Труэно... или имел кишки из стали, или попросту был удивительно толстокож и никак не реагировал на раскаты грома, что оказалось настоящим спасением. Да, я мог бы добраться и бегом... но, скорее всего, не успел бы вовремя.

По прибытию я изо всех сил заколотил в дверь филиала церкви Фортуны. Попросил вышедшего на шум монаха отвести к Лиану. И мне так же, как и всем остальным, сразу же отказали — видаться не разрешено, уезжайте домой.

Даже не выслушал меня... Я не сдался и снова попросил о встрече, ответив, что мне всё равно, если я заболею или даже умру. Монах, как дурак, с равнодушным лицом продолжал твердить одно и то же — «пожалуйста, возвращайтесь домой».

Своими глазами увидев их отношение, я был почти уверен, что дурное предчувствие... меня не обманывало. Выслушав рассказы госпожи Чедд и Мари, я подумал, а что если... Возможно, он был похищен?

Кем? Единственный, кто мог увезти его сюда... на ум приходил только тот ублюдок. Тот гребанный рыцарь с цветастыми волосами и глазами.

Я стал кричать, чтобы ко мне немедленно привели Шутцера и дали с ним поговорить. У

бесстрастного монаха сердито распахнулись глаза и приподнялись брови. С угрожающим видом, брызжа слюной, он назвал меня невежей и заявил, что и в непочтительности надо знать меру.

Какая ещё непочтительность?

В ответ я прокричал ему, что с меня хватит и чтобы они притащили уже этого гребаного похитителя Шутцера. Тогда стоявший передо мной монах аж побагровел от злости, стражник, находившийся чуть в стороне, тоже пришёл в ярость и с криком «Знай своё место!» со всей силы ударил меня по плечу копьём, которое держал в руках. Взбесившись от этой бессмысленной болтовни, в которой раз за разом повторялось одно и то же, я решил, что пора заканчивать, и... рукой отбросил копьё. Видимо, из-за того, что был зол, я вложил слишком много сил, так что охранник отлетел назад и прокатился по полу. Видевшие перебранку, ко мне врассыпную подошли другие стражники. Я оказался окружен.

Понятия не имею, сколько раз я им повторил, чтобы они позволили мне встретиться с Лианом, что просто увидеться будет достаточно. Но никто не прислушался... ни единый человек.

А если так... Если они не хотели отвести меня к нему, то я дойду сам. Я собирался пройти вперёд, отбросив назойливого монаха и выстроившихся перед порогом здания охранников, будто говоривших «Ты не пройдёшь». На меня наставили наконечники копий и пообещали убить, если я немедленно не покину это место. Меньше прежнего согласный уходить, я не обратил на копьё внимания и прошёл вперёд. Вытянул руку, чтобы отбросить их в сторону.

Вероятно, теперь они решат, что дальше разговаривать со мной бесполезно.

— Он! Этот глупец!.. — стражник скорчил рожу и замахнулся копьём... намереваясь заколоть меня.

Раз собираешься нападать, я просто отобью удар. Если будете стоять на моем пути, я пройду через вас силой.

Я вытащил меч из ножен.

Скольких бы я ни побеждал, они бесконечно появлялись один за другим, преграждая дорогу. Но несмотря на это, мне всё равно удалось попасть внутрь здания, направо и налево снося тех, кто ко мне приближался. Сразу же, как вошёл, я во всё горло прокричал имя Лиана, так, чтобы где бы он ни находился, даже если очень далеко, он мог меня услышать, хотя бы тихий отголосок. Снова и снова я кричал его имя так много раз, что у меня заболело горло... но не получил ответа.

Может ли быть, что он находился там, где его не достигал мой голос? Неужели я опоздал? Прошло уже несколько дней с тех пор, как он покинул деревню. Даже думать об этом не хотелось... успел ли я? Что если его уже перевезли в другое место? В голове у меня крутились

самые ужасные предположения, только усиливавшие беспокойство и нетерпение, тем не менее, мне постоянно мешали, и, хоть я и хотел поскорее начать поиски, я не мог. Во время битвы уже не только монахи и стражники, но ещё и маги с вооружёнными рыцарями начали вставать у меня на пути.

Они швыряли в меня атакующими техниками огня и ветра, так что я отвечал им тем же. Под удар огнём попала величавая статуя — взлетела на воздух и упала, разлетевшись на кусочки. Наблюдавшие за этим монахи закричали. Вам наказание за дурость, слышали о таком? Сами первыми это начали.

Меня раздражало, что число прибывающих противников не собиралось уменьшаться, и с ними становилось всё сложнее иметь дело. Когда я уже начал подумывать о том, чтобы просто вынести всех, кто находился в этом помещении, самой мощной из имеющихся у меня техник... то услышал, как меня зовут по имени. Знакомым голосом.

Я огляделся в поисках хозяина голоса... отчаянно ища взглядом мягкое серебристое сияние. Искал, но не мог найти. Торопился и терял терпение. Снова услышав своё имя, я понял, что звук шёл сверху, и поднял голову. На втором этаже атриума, прямо посреди галереи, шедшей вдоль стены... стоял Лиан.

Запыхался, неужели бежал сюда? Лиан стоял, опасно свесившись с перил. И смотрел на меня так, что, казалось, вот-вот заплачет. В кипенно-белых одеждах, отороченных белоснежными перьями...

Белый... Почему на тебе... этот цвет...

Как-то я слышал, как Мари разговаривала с малышкой. На вопрос, почему она всегда носит только чёрные, а не белые одежды, Мари улыбнулась и ответила, что чёрный — это самый далекий от света цвет. Его носили люди, которые много и непрерывно работают, чтобы однажды заработать прекрасное сияние.

И... Чисто белый цвет — это цвет небес. Белоснежные перья так напоминали о крыльях Великой Богини, что носить на одежде их мог только тот, кто находился ближе всего к небесам. Белые одежды и белые перья, которые носят те, кто близок к небесам... Так почему? Почему ты в них одет?

Я постарался запрятать как можно дальше причину, которая сразу же пришла мне в голову, и притворился, что ничего не было.

Лиан сказал, что всё было ложью, которую выдумал тот ублюдочный рыцарь. Мои плохие предчувствия оправдались. Все были «обмануты» им.

Увёз Лиана из деревни... Он приехал не для того, чтобы помогать Мари. А чтобы забрать Лиана. Специально подгадал время. Чтобы никто, ни я, ни жители деревни, ни даже сам

похищаемый, ничего не заподозрили. Даже если Лиан не назвал того, кто всем этим руководил, я и то всё понимал, зайдя так далеко. Кто всем руководил — и кто стоял над ним, и кто стоял ещё выше...

Я думал, что нужно поторопиться. Поторопиться... и забрать Лиана отсюда. Места, близкого к небесам и Богине. Прежде чем его увезут. Из-за поспешности меня застали врасплох. Я не заметил стражников, приготовивших контратаку за моей спиной. Когда пришёл в себя, то уже лежал на полу. Хотя я пытался встать, тело отказывалось двигаться, а нетерпение с раздражением только нарастали. Я отчаянно думал только об одном — нужно как можно скорее, немедленно, забрать Лиана отсюда подальше. Иначе... его могли увезти куда-нибудь в неизвестные дали, очень далеко.

Хотя если он останется где-то в этом мире, я найду его где угодно, но... если... если его не будет в этом мире... если он будет там же, где и Богиня... Раньше, когда я ничего не знал, рассмеялся бы, что это невозможно, богов не существует, это лишь удобная выдумка. Однако... В тот момент... для меня это не было поводом для смеха. Это ни за что не должно было произойти, всё внутри меня было против.

В детстве, он... с какого-то момента начал смотреть нежными глазами, очень тёплым взглядом. На меня и на всех остальных. Женщина, читающая по звёздам, сказала мне, что в недалёком будущем... придёт катастрофа, которая отнимет у меня всё. А ты так отчаянно пытался спасти эту мирную и тихую деревеньку от монстров, которые могут и вовсе не появиться. Как-то раз ты... поднял руки к небу, словно искал помощи Богини.

Когда я коснулся тебя спящего, увидел ослепительный белый свет, словно окрашивающий всё сущее. Множество знаков постепенно накладывались друг на друга. И все вместе они указывали на одно... что существовала только одна «истина, скрытая во лжи». Я знал об этом. Но продолжал притворяться, что ничего не понимаю.

И ты сам на это рассчитывал, в противном случае... Я чувствовал, что однажды ты просто исчезнешь из моего мира. Это пугало. И всё же... прямо передо мной... Шутцер назвал Лиана... «посланником» Богини. И Лиан не сразу стал это отрицать.

Наоборот, обратился к небу... Он взывал к небесам, выкрикивая имя Богини, словно надеясь, что зов достигнет её. И словно в ответ на зов Лиана, так же, как и в тот раз... чистый белый цвет затопил всё, что находилось в поле зрения.

Честно говоря, мне не слишком нравилось вспоминать тот момент. Маленькая тёплая звездочка, которая всегда была рядом... всё моё тело содрогнулось от одной только мысли, что я мог его потерять. Я думал, что его заберут. Того, что он неумоимо создавал для защиты деревни, было уже более чем достаточно. Возможно, Богиня тоже решила, что этого довольно, и хотела забрать его обратно.

Своего дорогого «посланника»...

Я отчаянно вцепился в него, чтобы его не украли у меня. А если его попытаются отнять, то, даже если это будет Богиня, я не позволю этого, буду рубить мечом и жечь всей своей магией, но заставлю отступить. И, когда я схватил его... прежде, чем я это осознал, белый свет исчез. Понятия не имею, что произошло, но тёплое тело продолжало оставаться в моих объятиях. Стало так легко на душе, что он никуда не исчез и его у меня не забрали. Пока я отчаянно пытался привести в порядок ворох мыслей в голове и сообразить, что же всё-таки происходило вокруг... услышал, как Шутцер и Лиан тихо переговаривались. Поскольку у меня в голове крутилась только мысль, что я не должен позволить забрать его, я и сейчас помнил отрывочно тот разговор, поскольку он был не об этом. Я не слишком хорошо его помню.

Он сказал, что хочет вернуться в деревню. Позвав меня по имени своим обычным нежным и спокойным голосом. Белого света больше не было, и вокруг стояла тишина. Передо мной находился Лиан. Обнимал меня теплыми руками. Я слышал, как Шутцер объявил, что последует воле Лиана. Потому что таково «откровение» Богини.

Лиан пообещал, что больше никуда не исчезнет. После этого, я наконец... понял, что всё, его не заберут, Богиня отказалась от мысли вернуть своего посланника. Наконец-то в тот момент. Я на самом деле... смог вздохнуть свободно.

По комнате снова пролетел лёгкий ветерок. А сам хозяин спокойно спал, довольно посапывая. Грудь медленно поднималась и опускалась от тихого дыхания. Когда я осторожно приложил к ней ухо, то почувствовал чужое тепло и услышал размеренное биение сердца. Пока слушал его, сам почувствовал спокойствие и облегчение.

Интересно, ему снилось что-то хорошее? Уголки рта были чуть приподняты, а от уголков глаз разбегались морщинки, словно от улыбки. И это было невероятно мило. Поддавшись моменту, я осторожно коснулся губами чужого лба.

— ...mmm?..

Ресницы невесомо взлетели. Поморгав, замутненные глаза ледянисто-голубого цвета сосредоточили взгляд на мне. И он мягко улыбнулся.

— Аль... фред?..

Когда я коснулся губами и виска, он счастливо прищурился и нежно улыбнулся. Даже когда я накрыл его губы, он продолжал улыбаться, чуть зарумянившись, со слегка отсутствующим выражением лица.

— Доброе утро.

— Доброе... утро?..

Похоже, он ещё не до конца проснулся и не совсем осознавал, что я говорю, просто послушно повторяя слова заспанным голосом. И заплетающимся языком.

Ах, как же мило.

В этот раз я поцеловал его глубже, запустил руку под подол рубашки, чтобы огладить нежную кожу, слыша, как шумное дыхание вырывалось через нос. И он совершенно не сопротивлялся, когда я запустил язык ему в рот, облизывая и посасывая его собственный. Наоборот, вместо этого сплёл свой язычок с моим, расслабился и прикрыл глаза. Я провёл рукой вверх, пройдясь по гладкой коже, подол рубашки задрался, обнажая белое тело. На животе всё ещё красовались отметины, оставленные мной. Два соска, напоминающих зернышки, оставались набухшими и чуть покрасневшими. Они казались мягкими и вкусными, так что я взял их пальцами, потер и чуть потянул, как вчера... чужое тело выгнулось дугой.

— Хн!.. Угх?.. Н... Мн?!

Он забился в моих руках. Видимо, окончательно проснулся. И попытался дрожащей ладонью отпихнуть мою руку. Язычок попытался освободиться, но я с силой засосал его, и спустя некоторое время... его рука ослабла. Я отстранился и заглянул ему в лицо — он распахнул глаза, продолжая тяжело дышать. Расфокусированный взгляд светло-голубых глаз выражал протест.

— А... Ал... что... ты... а... ах... умм...

Когда я наклонился к припухшей горошинке на груди, прикусил и начал посасывать, тонкая спина изогнулась, и он издал сладкий стон. Бледная кожа тоже потихоньку начала розоветь. Когда я коснулся брюк из мягкой ткани, слабо подвязанных лентой, меня в панике пихнули в плечо. Развязав узел, я запустил внутрь руку, осторожно обхватив его член, который уже привстал, и начал поглаживать, постепенно усиливая нажим, парень всхлипнул.

— Фуа-а!.. Угх... ст-... ой!.. Нельзя, Ал!.. Ах, пре-... крати!..

Сказав, что нельзя, изогнулся, как мог, изо всех сил отпихивая меня. Меня совсем не порадовало такое отчаянное сопротивление, и я заглянул ему в лицо.

— Почему?.. Ты сказал, что я могу ласкать тебя столько, сколько захочу.

— Угх! С-сказал, но!.. Сейчас нельзя!.. Потому что... ещё светло!.. И... и что, если кто-нибудь придёт...

— У меня отличный слух, так что я услышу, если кто-то придёт. Кроме того, дверь закрыта.

— Что?! А ты отлично подготовился, паразит?! Нет, это не то... сто-... ах!..

Я пальцами спустился пониже спины. Похоже, слегка припухло... Ну, вчерашнюю ночь... я практически полностью провёл там. Я хотел оставить как можно больше своих меток, поэтому решил, что исцелю только это местечко, так что достал целебную мазь и смазывающее средство и, смешав их, нанёс. Там всё ещё было мягко, и мои пальцы без труда полностью погрузились внутрь.

— А-ах!.. Угх... С... той... нельзя!.. Нет, стой, пожалуйста, подожди, Ал, окно же открыто!..

— Окно?

Когда я перевёл взгляд, то увидел наполовину открытое окно за шторами. Сквозь просвет в ткани виднелись горы и голубое небо.

— Нас увидят!..

Мы находились довольно далеко от окна, к тому же там стоял большой рабочий стол, на котором стенами возвышались стопки книг и документов, так что вряд ли нас было видно снаружи.

— Не думаю, что нас могут увидеть...

— А я говорю... что могут!..

— Нет, говорю же, снизу ничего не видно.

Лиан, с покрасневшим и заплаканным лицом, перевёл взгляд за окно. Не вниз... на небо.

А-а-а... Я наконец понял, что он хотел сказать. И я был совсем не против, если она это увидит... Даже наоборот, это будет только к лучшему.

Потому что... ты узнаешь, что твой драгоценный «посланник» уже принадлежит мне.

— Ах, Ал...

Он смотрел на меня с таким выражением лица, будто собирался всерьёз заплакать. Я вздохнул, ненадолго от него отстранившись. Закрыв окно и задёрнул шторы...

— Так нормально?.. — задал я вопрос, вернувшись и нависнув над Лианом

Тот, запунцовев ещё сильнее, отвёл взгляд, но кивнул. Даже когда я полностью освободил одну его ногу из штанины и белья, отведя её в сторону, и снова проник в анус пальцами, он только

задрожал, прикрыв лицо рукой, но не сопротивлялся. А вот стоило мне ввести член в мягкое, призывно-влажное отверстие, как он удивленно вздрогнул, поднимая на меня взгляд, и попытался отодвинуться.

— Лиан?..

— П-подожди! Всё же... не!.. Не здесь... не на диване!.. Пошли... хотя бы... на кровать!

Ну ты.

— Не говори ерунды... Я уже не в состоянии остановиться. Просто сдайся.

— Сдаться... ни за что! Здесь слишком светло!..

Похоже, и свет ему не нравился... Хотя мы и столько раз занимались любовью, Лиан всё ещё стеснялся и стыдился. За исключением тех случаев, когда он полусонный, у него обычно просто помидорно-красные щеки и плаксивое выражение лица. Мне кажется, стоило бы уже хоть чуточку привыкнуть. Ну, по факту, он просто невероятно застенчивый.

Несмотря на то, что он просил остановиться, я уже был не в силах это сделать, так что в качестве компромисса... я навис над Лианом, прикрывая его собой.

— Тогда просто закрой глаза и держись за меня...

— Гх!..

Лиан захлопал глазами, приоткрыл рот... но тут же закрыл его, плотно зажмурив глаза, и обвил руками мою шею, прильнув ко мне.

Ах, блин. И что мне делать? Он настолько милый, что я просто не мог себя контролировать... Хорошо. Отлично. Ты сам сказал, что я могу делать всё, что захочу.

Я входил медленно, чтобы не причинить боли, парень зарылся лицом мне в грудь и приглушённо постанывал. И этот голос был усадой для моих ушей. Внутри было жарко, влажно, и он изо всех сил старался расслабиться, чтобы принять меня. Меня так переполняло счастье... что кружилась голова.

Вместо слов благодарности я принялся нежно целовать лицо, шею и плечи, как он любил, чувствуя, как постепенно его покидало последнее напряжение. А когда я облизывал ушки, по цвету более красные, чем щеки Мари...

— Я люблю тебя...

Шепотом. Самый стеснительный в деревне, нет, возможно, в целом мире... после этих слов алым окрасились не только ушки, яблочный румянец переполз до самых плеч. Из-за его застенчивости ответ на мои слова пришёл далеко не сразу. Он зарылся лицом мне в шею и кивнул в ответ.

Чтобы попасть из личной комнаты Лиана в ванную, пришлось спуститься по лестнице и немного пройти по коридору. В этом особняке имелись большая ванная, туалетная комната хозяйки, небольшая... точнее нормального размера ванная комната и душевая. Кроме того, ещё была общая душевая для прислуги и телохранителей, в которой могли мыться пять человек одновременно.

Не слишком ли много? Это реально так необходимо? Ну, впрочем, ладно.

Ближе всех к комнате Лиана находилась нормального размера ванная. Кажется, она предназначалась для гостей, но так как большинство желало пользоваться большой ванной, эта оставалась практически неиспользуемой, так что тоже стала практически личной туалетной комнатой сереброволосого. Я отнес Лиана в ванну и обратно, он смотрел на меня слезящимися глазами, хмурясь и полыхая щеками.

— Ну хорошо, пусть два желания были про это самое, но третье-то пусть будет нормальным, пожалуйста, ты меня понял, паразит!" — злился он. Я так и не понял, что это было — просьба или приказ.

Я не понимал, что собой представляло твоё «нормально», но раз ты так просишь...

Я всё же кивнул.

Ну, последнее желание... Много... Было много всего, что я хотел бы сделать с Лианом, но воплотить это я смогу и своими силами.

Так что, думаю, я приберегу это желание до того времени, когда придумаю что-то другое, что мне было бы сложно сделать...